

ПЛЕМЯ ПРЯЧЕТСЯ В ДЖУНГЛЯХ

В конце прошлого года известный итальянский путешественник Яцек Палкевич совершил экспедицию на слонах в джунгли южновьетнамской провинции Джалай — удалось проникнуть в такие зоны, где еще живут племена,

НАША итало-русско-вьетнамская команда на слонах пересекла Центральное плато в районе камбоджийской границы. Эта зона до сих пор закрыта для иностранцев. Именно здесь встретились нам небольшие сообщества аборигенов, принадлежащих к народностям ро-ман, ни разу до сих пор не видевшие европейца.

Эти маленькие темнокожие люди, поселившиеся на местных землях две тысячи лет назад, всегда питали неприязнь к вьетнамцам. В годы войны с американцами их затерянные в зарослях деревни служили вьетконгоцам убежищем. Однако частенько сами жители деревень отказывались помогать партизанам, не желая быть замешанными в военном конфликте.

Хозяйство эти племена ведут почти примитивным способом. В их маленьких и темных бамбуковых хижинах, где только самые необходимые для существования предметы, жизнь протекает по традициям тысячелетней давности. У мужчин, которые носят набедренные повязки, главное занятие — охота с самострелами, доведенными, кажется, до совершенства еще далекие предки. Женщины ходят с обнаженной грудью. Они выделывают ткани, воспроизводя на них древние орнаменты, толкут рис, собирают дрова для очага.

Джунгли дают этим людям все, что нужно для жизни: материал для постройки хижин, дичь, фрукты... Аборигены расчищают участки леса, затем выжигают их и засевают эти поля рисом.

Когда-то на этих территориях обитало много слонов, однако теперь нет для того прежних условий, и самым большим в мире млекопитающим тесно. Даже, пожалуй, голодно. По мнению ученых, слоны обречены на окончательное исчезновение, и процесс «вымирания» продлится недолго — 30—40 лет. Античное браконьерство, четко организованная контрабанда слоновой кости, строительство дорог и наступление на леса деревообрабатывающей промышленности — вот причины, по которым слоны могут окончательно пропасть. Во всем Вьетнаме их осталось лишь несколько сотен, и почти все они — прирученные, используемые на лесоразработках как тяловая сила, как живые погрузчики: хоботами они укладывают в кузова машин огромные, весом до двух тонн, стволы деревьев. А ведь еще в 50-х годах в этой местности была распространена охота на диких слонов, устраивались слоновьи состязания!

Не знаю, как вынешним туристам с иных континентов, но нашей команде попасть сюда оказалось весьма сложно. Мы прошли все испытания бюрократической машины, придуманной вьетнамскими чиновниками. Бесчисленны были нудные беседы на предмет выяснения характера нашей экспедиции. И совсем не просто оказалось убедить большого начальника в Ханое, что мы не наемники, что у нас нет намерений разыскивать американских солдат, пропавших некогда без вести во Вьетнаме. «Но почему вы решили ехать именно

в провинцию Джалай? И почему — на слонах?» — настойчиво повторял он один и тот же вопрос.

Проект экспедиции в джунгли на слонах значился в моих планах уже несколько лет. Пришлось дважды съездить во Вьетнам, чтобы уговорить неизменно бдительных местных функционеров, которые относятся с подозрением к любому иностранцу, выдать нам разрешение на это путешествие...

В конце концов караван, состоящий из трех слонов и шести членов экспедиции, разместившихся по двое в корзинах на широких спинах животных, двинулся в путь.

НАША дорога началась в Кыю — «запретной» для иностранцев зоне. «В джунглях еще скрываются вооруженные приверженцы старого сайгонского режима», — говорили нам представители местных властей. В действительности же речь шла не о солдатах южновьетнамской армии, которые не хотели принять коммунистический режим, а о членах ОФОПЭМ — Объединенного фронта за освобождение поработанных этнических меньшинств. Как только война окончилась, эта организация оказала вооруженное сопротивление правительству, защищая таким образом право на собственное существование.

Во Вьетнаме 54 этнических меньшинства. Эти племена населяют главным образом гористые местности. В провинции, где мы находились, преобладают племена ярой, которые входят в малайско-полинезийскую группу. Они отвергли попользования Ханоя «цивилизацию» их и теперь живут в полной изоляции — так, как жили в древние времена, сохраняя в неприкосновенности собственный язык и обычаи. Их зовут здесь «мой», что на местном наречии означает «дикие», или же по-лаотянски — «кха», то есть «рабы». И с давних времен вьетнамцы относятся к представителям этих племен с презрением.

Мы провели на спинах слонов день, прежде чем прибыли в деревню Пиа. Это — два десятка убогих бамбуковых хижин, поднятых над поверхностью земли на столбах. Их хозяева — низкорослые люди с кожей цвета янтара и весьма ограниченными потребностями: был бы рис — и уже хорошо. Ну, а еще — охота за дичью в джунглях, ловля рыбы в реках. «Рис и рыба... Что еще в жизни надо?» — размышлял К'Палай, один из наших логонщиков слонов. Возможно, он прав, особенно если учесть: здесь, на краю цивилизованного мира, господствуют иные ценности. Тут, например, никогда не видели ни миссионеров, ни французских колонизаторов, до сих пор ничего не знают ни о радио, ни о телевидении.

Наша переводчица Суан, сопровождающая нас из Ханоя, приготовила мясо на шампурах. И хотя прожевать его почти невозможно, такое оно жесткое, мы все же глотаем его с удовольствием, потому что это — первая еда за весь день. В нашем «банкете» участвуют и несколько местных жителей — они принесли нам рисовое вино. Разговаривая с новыми друзьями, прибегаем к услугам двух толмачей: один переводит с местного на вьетнамский, другой — с вьетнамского на русский.

НАЗАВТРА погонщики с первыми лучами солнца привели слонов. На ночь они были «стреножены» цепями, однако в поисках пищи ушли довольно далеко. Надо сказать, насытиться им трудно, за день они поглощают до 200 кг травы, коры, веток, фруктов... И выпивают огромное количество воды — до 100 литров за раз.

Когда «стадо» пригнано, приступаем к погрузке. «Друм! Друм!» — командуют погонщики, и четырехтонная гора преклоняет колени. Загружаем весь багаж, а затем и сами располагаемся в сплетенных из бамбука корзинах, очень неудобных: при каждом шаге слона тебя мотает в ней и бросает на стенки. Не до смляков, но больно.

По команде «Нау!» животные поднимаются. На высоте три метра кажется, что движутся они очень медленно, но когда я спускаюсь на землю, чтобы сделать несколько снимков, потом приходится бежать, чтобы нагнать караван.

Нашим слонам от тридцати до сорока лет — их возраст примерно соответствует человеческому. За день им удалось пройти километров тридцать — как раз до ближайшей деревни. Мы видим, как возвращаются из леса местные охотники — на них только набедренные повязки. В этот день они добыли лань, на которую охотились с луком и отравленными стрелами. Мы видим и местных женщин, до пояса обнаженных и очень худых. Они приватливо улыбаются, выставляют напоказ стесанные почти до основания передние верхние зубы, пенки которых выкрашены в черное.

У одной из женщин на шею

болтается плесочка с металлической пластиной, на которой выбито: «Робин Ставен, № 57154079». И еще указано вероисповедание: «Иудей». Такие пластинки с выбитым на них именем и номером носят американские солдаты. Робин Ставен... Кто знает, какая судьба его постигла? Погиб, пропал без вести?

Осенью 1965 года расположенная недалеко отсюда деревня Плей Ме, где были расквартированы соединения специальных американских сил, была атакована частями регулярной северовьетнамской армии: начался конфликт, который длился десять лет. В тот раз вьетнамцы, отступив из этой зоны, оставили на поле боя несколько сотен мертвых. Американцы потеряли девять человек. Может быть, Робин Ставен и был одним из этих девяти?

Люди из племени ярой говорят: все, что происходило здесь в военные годы, не имеет к ним никакого отношения; они, дескать, никогда не позволяли вьетнамцам втягивать их в то, что те совершали.

ДЕСЯТЬ дней пробирались мы сквозь удивительно вьетнамские джунгли, отмеченные здесь особой разнообразностью бамбука, — стволы его толщиной в руку достигают высоты четырехэтажного дома. В их густых зарослях вьетконговцы могли спокойно прятаться и устраивать свои знаменитые ловушки, кое-где сохранившиеся и до сих пор. И мы, съевшись в корзинках, думаем именно об этом, пока не отвлекает от размышлений глухой гул воды, низвергающейся с большой высоты. В предчувствии скоротого купания слоны ускоряют шаг, и на их спинах мы «входим» в этот поток, и вода смывает наши невеселые мысли.

Перевод с итальянского.
Яцек ПАЛКЕВИЧ.

Фото И. МИХАЛЕВА.